

МЕТРОНОМ

П. Р. АМНУЭЛЬ

Фантастический рассказ Павла Амнуэля о планете, обращающейся около пульсара, иллюстрирует идею возможности предсказания открытий, о которой идет речь в статье автора «Будущее науки: открытия неожиданные и ожидаемые»

Врачи сказали правду: Ким Яворский сильно изменился после аварии, будто жизненные силы полностью ушли на восстановление руки.

Базиола хотел подойти бесшумно, но под ногой хрустнула ветка, он от неожиданности споткнулся о шланг, лежавший поперек тропинки, и, едва удержавшись от падения, схватился за куст роз. Ким, обернувшись на крик, с улыбкой наблюдал за манипуляциями друга. Они обнялись.

– Ты похудел, Ким, – заметил Базиола вроде даже с одобрением.

– Похудел? – с сомнением переспросил Яворский. – А, ну да, мы давно не виделись. Я сбросил двенадцать кило, когда готовился к испытанию нуль-транса, и еще пять – после аварии... И не смотри на меня так, Джу...

– Мало мы видимся, – вздохнул Базиола. – В институте я знал тебя как облупленного, а сейчас только оболочка выглядит знакомой... почти.

– Ты лучше подкинь мне задачу из нерешенных, – сказал Ким. – В этой клинике я покрылся плесенью.

По мне, гляди, уже гусеницы ползают... До аварии я работал над эвристиром открытий, слышал?

Базиола слышал. Отношение Базиолы к работе Кима было определенным и, конечно, отрицательным. Обсуждать это сейчас Базиола не хотел, не было у него желания превращать встречу с другом после трехлетней разлуки в бесплодный методологический спор.

– Видел твою Олю, – сказал он, неуклюже меняя тему разговора. – Она все хорошеет...

– Чего не скажешь обо мне, – заключил Ким. – Послушай, Джу, если кто-то из нас изменился, то это ты. Ты всегда прогонял меня, если считал очередную мою идею бредовой. Теперь ты не веришь в прогнозируемость научных открытий, а от спора уваливаешь. Не похоже на тебя... Дай-ка лучше задачу. У вас в Комитете по контактам задач наверняка больше, чем решений, верно? К примеру, история с пульсаром в Золотой Рыбе.

– Об этом говорят больше, чем дело того стоит, – неопределенно сказал Базиола.

– А чего оно стоит?

– Памятника, – буркнул Базиола. – Обнаружена мертвая цивилизация. До пульсара этого от нас всего полпарсека, но в направлении Земли он не светит, отсюда его обнаружить невозможно. Экспедиция к Фомальгауту случайно записала его импульсы в радио- и гамма-диапазонах. Та же экспедиция открыла и планету...

– Я знаю, почему ты не называешь корабль, – перебил Ким, глядя в сторону. – Это был Кратов на «Осьминоге». Он не вернулся, и в тебе говорит предрассудок...

– Кратов, да. И пульсар назван звездой Кратова, а планета – Кратов-1. К ней пошел зонд-автомат типа «Винт». Он-то и открыл мертвый мир.

– Мертвый?

– Абсолютно. Ничто живое не может существовать, когда пульсар поливает планету потоками гамма-лучей. А происходит это каждые три секунды. Каждые три секунды Кратов-1 попадает под «нож» излучения. Импульс продолжается долю секунды, но и за это время планета получает такую дозу, что жизнь становится невозможной. «Винт» был послан в период молчания. Как и всякий пульсар, звезда Кратова буйствует примерно полгода, а потом года полтора ведет себя тихо, накапливает энергию в поверхностном слое. «Винт» облетел планету, подобрался и к нейтронной звезде, насколько позволили энергетические ресурсы и динамический предел прочности аппарата. Мы, контактисты, своего оборудования не ставили, поскольку никто не ожидал обнаружения следов жизнедеятельности. Учти, несколько миллионов лет назад в системе вспыхнула сверхновая – тогда и возник пульсар. Если на планете и была раньше жизнь, то при взрыве она, конечно, погибла, а уж потом... Черный мир, в котором каждые три секунды – смертельная вспышка радио- и гамма-излучений.

– У тебя есть с собой стереоскоп?

Ким достал из бокового кармана коробочку, и Базиола начал по одной протягивать ему голограммы.

Кадры охватывали большие области, и, хотя четкость, как обычно на изображениях безатмосферных планет, была идеальной и позволяла разглядеть объекты размером с собаку, глаз, конечно, не мог сосредоточиться на обилии предметов: внимание непроизвольно перескакивало с объекта на объект. Вот сооружения, похожие на правильные многогранники, вот лунки-полусферы, растянутые цепью на десятки километров, вот идеально плоские площадки, назначение которых (Ким подумал сначала, что это космодромы) могло быть каким угодно. На дне одной из лунок Ким увидел нечто похожее на экскаватор с поднятым ковшом, и это тоже могло быть чем угодно, вплоть до самих обитателей планеты, застывших навсегда в момент неожиданно наступившей их смерти. Ни гор, ни круч, ни пропастей –

если эти живые особенности рельефа и были когда-то на планете, они оказались решительно принесены в жертву цивилизации, ставшей, в свою очередь, жертвой взрыва звезды.

Яворский сменил кадр голограммы, но картинка почти не изменилась. И третий кадр был таким же, и четвертый...

– «Винт» сделал полмиллиона сканов, – подсказал Базиола. – Поверхность планеты перекрыта шесть раз. То, что я тебе показываю, Ким, – это избранные кадры, самые эффектные. Если бы на поверхности хоть что-нибудь двигалось, сигнал был бы выделен. Но ничего нет. Все мертво.

– Чего же ты хочешь от меня?

Базиола едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Каков, а! Ведь только что сам просил задачку!

– Ничего я не хочу. Это планета для археологов, а не для контактистов.

– Никакого движения, – протянул Ким. – Точно ли? Движение, если оно очень медленное, можно и не обнаружить. Все равно, что снимать рапидом черепаху.

– После вспышки сверхновой прошло два с половиной миллиона лет, – Базиола пустился в объяснения с удовольствием. Ким сейчас повторял его собственный ход рассуждений, и Базиола ощущал себя путником, ступившим на твердую почву и помогающим другу преодолеть топкое место. – Это очень короткий срок для развития жизни. Если жизнь на планете Кратова действительно возникла и так быстро развилась до стадии технологической цивилизации, то не может быть и речи о медленном темпе эволюции. Невозможно за месяц построить дом, если класть по кирпичу в неделю. Эта идея не прошла.

– А какая прошла? – кротко спросил Ким.

– Никакая, – буркнул Базиола. – Решено послать еще один «Винт» в следующий период молчания пульсара.

– Очень милая стратегия – прямо по учебнику, глава «Как не нужно проводить исследования».

– Прочие стратегии и вовсе бездарны.

– Пойду, – Ким поднялся со скамейки. – У меня процедуры, Джу. Пока. Звони и заходи. Да... Какой смысл лететь в период молчания?

– Эй, послушай, – изумленно сказал Базиола вслед Киму. Тот шел широким шагом и не обернулся.

***

Сандра была дома, и на столе стоял торт, его любимый, с яблоками. Базиола поцеловал жену и прошел к себе в кабинет.

Методика открытий. Базиола не следил за последними наскоками Кима на эту бесперспективную проблему. Не будучи ретроградом, он допускал, что Яворский в чем-то мог оказаться прав. Научиться предсказывать, какое именно открытие и в какой области науки будет сделано завтра или через год. Базиоле это не нравилось.

Где романтика? Сам смысл поиска в науке? Не будет ли все это потеряно? Пусть философы ответят.

Впрочем, оставим пока философию. «Какой смысл лететь?» – сказал Ким. Конечно, можно позвонить и спросить. Прижатый в угол, Ким скажет все, что думает о планете Кратова. Но это будет означать, что Базиола капитулировал.

Пойдем по цепочке. Жизни нет, но она есть. В недоработанной методике Яворского, насколько ее знал Базиола, существовали десятки приемов, с помощью которых Ким избавлялся от научных противоречий. Перебирать приемы, не зная, какой нужен сейчас, – все равно что решать задачу дедовским методом проб и ошибок. Ким действовал не так, он наверняка знал, когда какой прием использовать. Он решил задачу на глазах у Базиолы и не сказал решения, шельмец, хотел, чтобы к нему обратились опять. Чтобы Базиола выбросил белый флаг. И ведь знает, что так и будет. Не станет Базиола посылать к звезде Кратова второй зонд, если есть хоть полмысли о том, что полет не нужен.

Сандра вошла, тихо присела на подлокотник кресла. Базиола очнулся от раздумий.

– Сандра, милая, – сказал он, – шесть лет назад я сделал гениальное открытие, и его почему-то не проходят в школах. Я открыл, что есть ты. Это случилось неожиданно и непредсказуемо. И так здорово, что я до сих пор не очнулся. А твой хороший знакомец Ким Яворский утверждает, что любое открытие можно предсказать. Разве можно было предсказать то, что мы с тобой открыли друг в друге?

– Это тебя и заботит? – серьезно спросила Сандра.

Базиола кивнул.

– Наверно, можно было, – сказала Сандра, подумав. – У каждого человека складываются определенные ожидания, связанные со спутником жизни, и, если эти ожидания коррелируют... Общность установок, как говорят психологи... Наверняка это можно рассчитать, верно?

– Подумай, что ты говоришь! – Базиола вскинул руки. – И это – женщина, непредсказуемое существо!

– Противоречивое, – улыбнулась Сандра, – но почему непредсказуемое?

– Извини, родная, – пробормотал Базиола. – Я должен подумать...

Сказать через все барьеры проламываясь: есть жизнь на планете Кратова, мы видим ее, но не верим тому, что видим. Нельзя посылать зонд, а время идет, пульсар начнет очередной цикл активности, и опять придется ждать...

А, собственно, почему? То есть как почему? Есть вещи очевидные, существуют аксиомы, инерция мысли здесь ни при чем. В периоды активности потоки гамма-лучей убийственны...

Стереотип, подумал Базиола. Сломаем эту аксиому. Допустим, что жизнь только тогда и существует, когда есть этот режущий все «нож» излучения. Но... Нет, нет, подумай, может, это и пустой ход, но подумай. Стоит перевернуть основную аксиому, и тогда...

***

– Как рука? – спросил Базиола.

Ким ударил ребром ладони по скамье, вроде и не сильно, но доска переломилась пополам.

– Придется чинить, – злорадно сказал Базиола.

– Вернусь из полета – почию.

– Собираешься лететь? – удивился Базиола. – Куда это?

– К звезде Кратова. Ты ведь это собирался мне предложить?

– Твоя проницательность иногда действует на нервы, – пробормотал Базиола.

– Ладно, Джу, – примирительно сказал Ким. – Меня замучило безделье, настроения это не улучшает, ты уж потерпи. Вернусь – буду другим человеком. Ты пришел за решением?

– Не нужно мне твое решение, у меня есть свое. Комитет постановил лететь в период активности пульсара. И тебе предложено возглавить экипаж. Правда, людей там нет, только роботы...

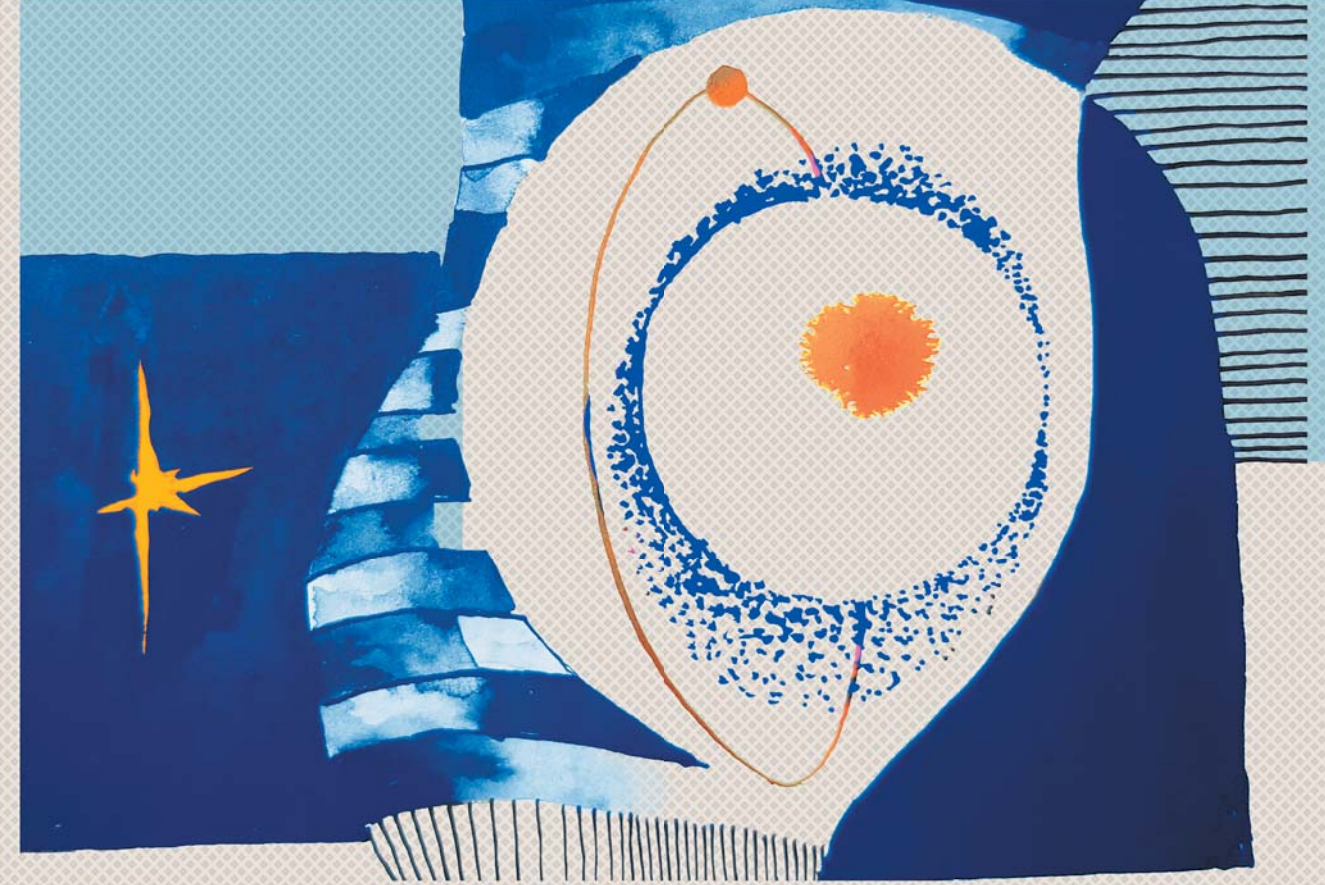
– Я привык один, – сказал Ким. – Значит, ты все-таки понял, в чем разгадка?

***

Смотреть на пульсар было невозможно, унылое чередование вспышек, бесконечное и ритмически точное, угнетало. Ким чувствовал, как теряет сознание, завораживающе раскрываются объятия и он падает, падает... Только раз попробовал Ким посмотреть в «лицо» звезде и больше не делал этого.

Корабль летел со стороны полюса, но отголоски звездных бурь доносились и сюда. Ким был доволен. Не тем, что подтвердилась его идея, в этом он не сомневался. Ким думал о том, как верно выбрал профессию. Еще на первых курсах возникла дилемма: летать или прогнозировать. Трогать своими руками шершавые камни на чужих планетах или, сидя в кресле и глядя в синюю глубину земного неба, предсказывать, что произойдет в науке завтра и позднее. Он умел и любил делать и то, и другое! Только теперь, пристегнувшись ремнями и не оглядываясь больше на оставшуюся за кормой звезду Кратова, Ким решил, что это противоречие желаний и было, наверно, тем постоянным ускорителем, который не позволял ему успокаиваться, вечно толкал на странные поступки.

Человек обязан иметь сразу несколько профессий. Базиоле, старому другу, выпала в жизни слишком прямая дорога: контактист-кибернетик, член комитета, председатель. Инерция возникает именно на прямом

пути, кажется, что ее нет, но скорость набрана, и уже не свернуть без помощи, без толчка извне.

Пульсар бушевал, и Ким вел съемку издалека, с расстояния шестнадцати миллионов километров, где еще можно было работать, не рискуя своей драгоценной жизнью. Одна камера снимала Кратов-1 в те мгновения, когда «нож» гамма-импульса не касался поверхности. Снимал, не сканируя, как «Винт», а в режиме наведения на одну, избранную Кимом наугад точку вблизи полюса. Первая серия кадров – неподвижность. Вторая – неподвижность. Третья – тоже. Но в первой серии неподвижный механизм (или существо?), похожий на экскаватор, направил ковш вверх. Во второй серии – чуть вбок. В третьей...

А вот и второй цикл голограмм, съемка другой камерой в те секунды, когда «нож» излучения кромсал планету. В секунды, когда гамма-вспышки жгли и убивали. Вот – движение! Ковш медленно наклоняется, из воронки выбирается на поверхность еще один механизм... или существо?

Жизнь – порциями. Она есть, и ее нет. Вспышка пульсара – и на планете все живет. Темнота длится секунды – и на эти секунды жизнь замирает.

Мы, люди, привыкли к нашему спокойному солнышку, к его равномерной энергетике и забываем в повседневности, что во Вселенной гораздо больше процессов нестационарных, именно они – общее свойство мира. А мы отказываем им в возможности порождать жизнь.

Темнота – вспышка. Темнота – вспышка. Метроном. Именно этот ничем не нарушаемый ритм и стал основой для странной жизни. Только в те мгновения, когда импульс проходил по планете Кратов-1, жизнь развивалась. В секунды темноты на планете все замирало, как в энергосистеме при выключении тока. Смерть царила на планете и в те месяцы, когда пульсар не излучал энергию, накапливая ее.

Ким представил себя на месте хозяина планеты. Я вижу, я познаю мир, для меня времени молчания пульсара не существует, я не живу в это время. Предмет начинает падать, я вижу это, но вдруг исчезает и сразу оказывается на поверхности. Значит, так надо, таков закон природы. Мне и в голову не придет, что я всего лишь не фиксирую часть падения – я не живу в эти мгновения. Таков мой ритм. Ритм моей звезды.

Станным для них должно быть поведение звездолета – он перемещается скачками: медленно движется на фоне звезд, но вдруг исчезает и появляется чуть в стороне, опять медленно движется и опять скачок. Впрочем, что же тут странного? Все звезды движутся так же. Все во Вселенной – только импульсы. Такова природа. И это естественно. Все, что происходит испокон веков, не может быть странным...

***

Ким ждал, что Базиола сам выйдет на связь. Конечно, ему не терпится. Что же, Джу, ты убедился в том, что открытия можно предвидеть?

*Иллюстрации из личного архива П. Амнуэля.
По: Техника и наука. 1982. № 6*